

6. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. с. 159.
7. Инаугурационная речь В.В. Путина. Режим доступа: [<http://www.pan.md/news/Inauguratsionnaya-rechi-Vladimira-Putina/21669>].
8. Гончарова Е. А. Научная коммуникация — дискурс — интердискурсивность. Текст и дискурс. СПб., 2001. С. 65.
9. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011. с. 191.

Крохалевский И.В.,
г. Екатеринбург

МИФ КАК ТЕХНОЛОГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В любую историческую эпоху правящие группы в своих взаимоотношениях с массами, в пропаганде в той или иной степени прибегают к мифологизации, используя ее для интерпретации фактов политической действительности и формирования необходимых взглядов на мир.

Участвующие в политической борьбе группы и их лидеры апеллируют к разным мифологическим образам, в соответствии с теми задачами, которые они решают. В связи с этим проблема конструирования политической реальности посредством политической мифологии является особенно актуальной и значимой.

Исследование древних мифов и мифологического мышления стало актуальным в XIX веке в связи с открытием этнографических групп, находящихся на ранних стадиях развития. В период с XIX по первую половину XX века был накоплен огромный эмпирический материал в

области изучения мифов, религиозных символов и ритуалов (Э. Кассирер, А. Ф. Лосев), систематизированы и обобщены древние мифологические тексты (К. Леви-Стросс), а также предприняты попытки исследовать архаические пласты человеческого сознания, методами аналитической психологии была выведена зависимость поведения людей от мифологических образов (архетипов) бессознательного (К. Г. Юнг). Изменения, произошедшие в XX веке, породили потребность в новых исследованиях политических процессов, связанных с массивификацией социальных явлений (Г. Лебон) и проявлениями иррациональных мотивов в массовом поведении (С. Московичи), воздействием на сознание средств массовой информации (Г. Тард), с реализацией коммуникативной функции власти (Н. Луман) и практическим применением мифов в политике (Ж. Сорель, Э. Кассирер, Р. Барт, А. Н. Кольев, А. Цуладзе).

Таким образом, современные исследователи пришли к выводу, что политический миф является составной частью технологии управления общественным сознанием. Восприятие человеком действительности мифологично, что делает миф эффективным политическим орудием, распространенной политической технологией. Попытаемся рассмотреть основные техники (механизмы) и необходимые условия для конструирования политических мифов и проанализировать их.

Рассмотрим понятие мифа. Миф – это не просто «фантастическое отражение действительности в первобытном сознании, образы которого были попыткой обобщить и объяснить различные явления природы и общества» [9]. Миф – это превращенная форма сознания, в котором знание и понимание фактов, явлений, процессов действительности замещаются образами, символами, вымыслами и верой в них. Мифологическое мышление сопровождает человечество на протяжении всей его истории, не уступая мышлению рациональному.

Объяснение окружающей действительности не единственная функция мифа. С процессом развития общества, его усложнением, усилением социального и имущественного неравенства, появлением государства, правящей элиты появилась необходимость обоснования существующего миропорядка. Разнообразные экономические, политические и социальные условия, не позволяющие решать сложные задачи, стоящие перед государством, вынуждали политиков воздействовать на народ, на массовое сознание людей с помощью мифов и тем самым отвлекать их от тяжело разрешимых проблем. Здесь можно говорить о появлении такой формы мифа как миф политический.

Под политическим мифом мы будем понимать миф, позволяющий упорядочить и интерпретировать различные факты, события и явления политической действительности, структурировать видение коллективного прошлого, настоящего и будущего для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства.

Современный мир с его бурным развитием информационных технологий представляет собой благодатное поле для создания различных политических мифов. Смена мифов – постоянное, и при этом настолько частое явление, что рядовой гражданин того или иного государства просто не в состоянии отследить динамику этого процесса, и, зачастую, даже осознать, что он живет в пространстве, сотканном из мифов. Для такого человека мифология и есть единственно возможная реальность.

Чем же вызвана необходимость мифа? Эрнст Кассирер считал, что человек не противостоит реальности непосредственно. «Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая деятельность человека. Человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет скорее среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди

иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез» [6]. Не всегда реальная жизнь укладывается в рациональные схемы. Здесь-то и проявляется мифологическое мышление. Поэтому миф выступает своеобразным посредником, который способствует восприятию человеком реальности, вырабатывает определенное отношение к ней.

Более того, любое событие, любое явление может быть переосмыслено в мифе. «В мифе мир освоен, причем так, что фактически любое происходящее событие уже может быть вписано в тот сюжет и в те события и приключения мифических существ, о которых в нем рассказывается. Миф есть рассказ, в который умещаются любые конкретные события; тогда они понятны и не представляют собой проблемы» [7].

Для того чтобы миф произвел нужное воздействие на массы, правильно вписался в политическую среду и приступил к формированию новой политической реальности необходимо, чтобы миф сам был грамотно сконструирован в рамках конкретного исторического момента.

Прежде всего, при создании политического мифа необходимо опираться на обыденное сознание людей. Обыденное сознание – это стихийный способ осознания людьми своего опыта повседневной жизни. Оно характеризуется автоматизмом реакций, избирательностью восприятия, отсутствием осмысления происходящего.

Обыденное сознание напрямую связано с такими понятиями как психические автоматизмы и псевдомышление. Психические автоматизмы – это действия, которые совершаются человеком механически. Следует отметить, что такой набор действий можно привить человеку посредством манипуляции. В таком случае «энергия желания (воздействия) манипулятора превращается в энергию стремления (или действия) адресата [5]. Человек при этом не догадывается, что он стал объектом манипуляции, для него все происходящее естественно и соответствует его личным стремлениям и желаниям. Обывателю кажется, что это он принимает решения, что он хочет

чего-то, в то время как на самом деле его мнения являются внедренными мнениями других людей, а действия и желания обеспечены давлением внешних сил. Здесь речь идет о феномене, названном Эрихом Фроммом «псевдомышлением» [14].

Миф опирается не только на обыденное сознание. Возможность внедрения мифа обеспечена глубинными основаниями человеческой психики, архаичными формами мышления. Такими формами мышления выступают архетипы. Политический миф, который опирается на архетипы, нивелирует значение индивидуального сознания, растворяя его в коллективном. Сознание индивида погружается в бессознательное и он не может противостоять установкам, заложенным в мифе.

Не следует путать архетипы со стереотипами. Стереотип – это устойчивые представления о фактах действительности, явлениях, конкретных людях, социальных группах и т. д., а также шаблон, схема, на основе которой человек осуществляет определенную деятельность. Следует заметить, что стереотип есть не некий неподвижный шаблон, а работающая, взятая в динамике схема взаимодействия субъекта с окружающим миром, представленная в виде программы с соответствующим набором элементов и связей между ними. Стереотипы также участвуют в создании определенных взглядов и отношений людей к тем или иным событиям, однако они не имеют под собой той глубокой психологической основы (опоры на первобытное мышление) по сравнению с архетипом и лишь на короткое время фиксируют определенное состояние общественного сознания, воздействие на эмоции людей.

Можно выделить несколько видов стереотипов, в том числе стереотип политический, который отличается, прежде всего, своим содержанием, поскольку он связан с восприятием, осмыслением политических процессов, управлением через властное урегулирование взаимодействия различных социальных групп. Понятие «политический стереотип сознания», в широком

смысле слова, означает наличие в нем устойчивых целей, ценностных ориентаций, установок, отражающее содержание и специфику политической жизни общества. В узком смысле слова, политический стереотип – это постоянно воспроизводящееся восприятие, представление о субъектах власти, целях и содержании ее деятельности, средствах, методах, результатах, которые она достигает, а также степени участия граждан в политической жизни общества [8].

Политические стереотипы сознания формируются, прежде всего, под влиянием реальной жизни. В то же время стереотипы могут формироваться с помощью активного воздействия СМИ, которые способны выработать устойчивое представление о тех или иных сторонах политической жизни, перспективах общественного развития.

Наличие тех или иных стереотипов у аудитории необходимо учитывать при создании политического мифа, чтобы не возникло проблемы восприятия того, что хотел сообщить мифотворец. Внедрить необходимую информацию можно, усиливая существующие стереотипы, корректируя существующие стереотипы, смещая акценты в сообщении; полностью заменив стереотипы новыми, которые должны быть более эмоционально окрашенными, побуждающими к активным действиям.

Теперь перейдем к рассмотрению процесса создания самого политического мифа. Современная технология мифотворчества была предложена еще Эрнстом Кассирером в его работе по мифотворчеству в тоталитарном обществе. Первый шаг, который необходимо сделать, заключается в изменении функции языка. Кассирер говорит о существовании двух противоположных функций языка – семантической и магической. Семантическая функция – это использование речи в качестве средства выражения мыслей, за счет чего происходит обозначение предметов, явлений, действий. Магическая функция заключается не в описании вещей или отношений между ними, а в стремлении производить действия и

изменять явления природы, отношение людей к действительности. Семантическая функция существует всегда (без нее просто не может существовать речь). Однако магическая функция может стать доминирующей в подверженных воздействию коллективного бессознательного сообществах. Доминирование магической функции слова над семантической обеспечивает возможность построения мифа.

Следующим шагом в создании политического мифа, выделяемым Кассирером, является введение определенной политической обрядности. Политические обряды помогают при помощи символов и символических действий выразить, передать, закрепить необходимые идеи, идеалы, нормы, вызвать у участников действий определенные чувства, настроения, переживания, создать соответствующую морально-психологическую атмосферу. Так, например, политическими обрядами являются политические митинги, референдумы, выборы, которые призваны поддержать демократическую мифологию.

Третьим шагом является политическое пророчествование. На основе реальных или сфальсифицированных фактов между политически грамотными (как думают в массах) людьми ведется ожесточенная дискуссия о различных политических аспектах жизни в конкретном государстве. Особенность этой дискуссии в том, что те, кто участвуют в полемике, выдвигают множество псевдопророческих или действительно пророческих идей, которые прочно закрепляются в сознании граждан, и когда идеи осуществляются, участник дискуссии становится политическим пророком, а его идеи образуют новый политический миф или поддерживают существующий.

Примеры создания политической мифологии по алгоритму, предложенному Кассирером, можно найти в истории. Так, изменение функции языка стало первым шагом насаждения нацистской идеологии. Специально для этой цели был создан так называемый язык Третьего рейха,

для которого были характерны множество неологизмов, изменение и фальсификация старых общепринятых понятий и терминов, которые таким образом приспособлялись к духу нацистской идеологии.

Подобное мы видим и в советском государстве. Коренная трансформация политической реальности сопровождалась трансформацией и полным обновлением языка. Явления окружающего мира стали активно переименовываться: государственные учреждения и должности, города и улицы, которые стали называться в честь советских вождей. Новый язык ведет к затуманиванию сознания, возвращает нас к первобытному состоянию магического восприятия слов. Особой силой в советское время обладало распространение аббревиатур. «В начале революции для рядового российского гражданина все это звучало как “заумный язык”, лишенный смысла и одновременно исполненный какого-то скрытого, тайного, зловещего содержания. Поскольку все эти буквы не были просто буквами, но угрожали жизни либо лежали в ее основании как некая магическая подоплека самой действительности» [11].

Другой механизм создания мифа на основе изменения функции языка был предложен французским мыслителем Роланом Бартом. Рассматривая миф как семиологическую систему, он исследовал в нем соотношение означаемого (формальная, чувственно воспринимаемая сторона знака) и означающего (содержательная сторона), которые в совокупности образуют знак. Сам знак с точки зрения семиотики представляет собой соглашение (явное или неявное) о приписывании чему-либо (означающему) какого-либо определённого смысла (означаемого).

Для большей наглядности Барт привел следующий пример: «Означающее пусто, тогда как знак полон, он представляет собой смысл. Возьмем черный камешек – я могу по-разному наделять его значением, он всего лишь означающее; но коль скоро я придал ему раз и навсегда некоторое определенное означаемое (к примеру, смертный приговор при

тайном голосовании), то он становится знаком» [3]. Однако миф, по мнению Барта, является особой системой, так как он создается на основе уже созданной семиологической цепочки означающее-означаемое-знак. Миф – это вторичная семиологическая цепочка. При этом то, что в первичной системе было знаком, во вторичной оказывается всего лишь означающим. Миф как бы надстраивается над первичной системой (языком) и происходит сдвиг.

Миф Барт называет «метаязыком», то есть вторичным языком, на котором говорят о первичном. Означающее мифа рассматривается с двух точек зрения – как итоговый член системы языка и как исходный член системы мифа. В первом случае означающее Барт называет смыслом, во втором формой. Означаемое в мифе он называет понятием, а знак – значением.

Данная схема позволяет описать явление, которое сам Барт называет «похищением языка». «Миф – это похищенное и возвращенное слово. При этом возвращается слово уже не совсем таким, каким было похищено; при возвращении его поставили не совсем на свое место. Такое кратковременное умыкание, результат неуловимой ловкости рук, как раз и сообщает слову-мифу его ледяную застылость» [4]. В результате «похищения» миф превращает смысл в форму. Этой форме он придает новый смысл, создавая понятие. Так миф посредством языка деформирует реальность.

Деформация действительности прослеживается в создании образа Сталина. Смыслом в данном случае является реальная историческая личность, взявшая прозвище Сталин. Миф берет от нее только форму, не учитывая биографии, личных особенностей и др. Имя превращается в заклинание. Далее форма наделяется понятием (имя «Сталин» как олицетворение силы, дисциплины, единства). В конечном итоге мы получаем значение – обожествленного вождя, гениального учителя и великого полководца.

Ролан Барт не только предлагает механизм конструирования мифа с точки зрения семиологии, но и приводит некоторые устойчивые, застывшие, упорядоченные фигуры (Барт называет их «риторическими»), которые обеспечивают мифу становление в политической реальности, легко приспособляются к конкретным событиям действительности и истории, то есть являются своего рода техниками создания мифа. Рассмотрим основные риторические фигуры, предложенные Бартом [1].

Первой риторической фигурой является прививка. Такая фигура получила большое распространение и очень часто употребляется. Смысл ее заключается в признании некоторых второстепенных недостатков какого-либо политического института, политического лидера, законов, реформ, при этом существенные недостатки умалчиваются. «Происходит иммунизация коллективного сознания с помощью небольшой прививки официально признанного недостатка; таким образом предотвращается возникновение и широкое распространение деятельности, направленной на ниспровержение существующих порядков» [2].

Еще одной техникой создания мифа является лишение истории. Миф лишает предмет, о котором он повествует, всякой историчности. Лишенный истории предмет представляет собой удобный объект для различной интерпретации, выбор которой обусловлен лишь волей создателя мифа. Истории можно лишить не только предметы, но и человека, группы людей. Это позволяет избавиться от осознания человеком своей роли в мире, своей личной свободы. Так, большинство идеологий основаны либо на сознательно искаженном понимании истории, либо вовсе на ее отрицании.

Третью фигуру Барт называет «нинизм». Смысл данной риторической фигуры заключается в том, чтобы, сопоставив две противоположности и уравновесив их, отвергнуть затем и ту и другую (Мне не надо ни того, ни другого). Примеры использования одной из форм такой фигуры можно обнаружить в СМИ, которые чередуют новостные сюжеты, сообщающие о

негативных сторонах общественной жизни (социальные, экономические, политические проблемы и т. д.), с позитивными сюжетами. В результате такого изложения событий, потребитель не способен отделить объективную и важную информацию от «информационного мусора», в результате чего он остается в неведении, либо отрицает наличие проблем.

Последней техникой создания мифа, предложенной Бартом, является квантификация (количественная оценка) качества. Как уже можно понять из названия, такая фигура предусматривает замену качественной характеристики объекта количественной. Такая замена может использоваться как в экономической сфере, так и в мифах о плюрализме СМИ, политическом плюрализме (иллюзия существования в обществе различных политических взглядов, идей, организаций и партий с различными интересами и целями).

Ролан Барт говорит о том, что одни фигуры могут изнашиваться, другие нарождаться, подстраиваясь под реалии времени. Риторические фигуры призваны замаскировать непрерывный процесс творения мира, превратить миф в застывший объект, остановить развитие мира, обездвигнуть этот процесс.

Следует отметить, для того чтобы миф прочно вошел в обыденную жизнь необходимо связать его с конкретными ожиданиями и потребностями масс. При этом не имеет значения, будет ли миф позднее поддерживать эти ожидания или, наоборот, противоречить им.

Мифологию потребностей в социальной и коммерческой сфере описал Андрей Владимирович Ульяновский в книге «Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы». Его теоретические разработки, на наш взгляд, могут быть использованы и в политической сфере.

Для начала необходимо выделить структурированную совокупность потребностей человека, так или иначе предлагаемых различными авторами. Потребности человека могут быть: физиологическими (в воде, пище, дыхании, движении, отдыхе, эмоциональной и физиологической разрядке);

экзистенциальные (в безопасности, уверенности, положительной самооценке); в слиянии (единении) с кем-либо, в общении; в выражении себя, творчестве; в познании, освоении мира; в проявлении воли; в мировоззрении (непротиворечивая картина мира, идентификация (пол, личность, общество, культура), система ценностей, видение будущего); в трансцендентном, в сверхсмысле [12].

В зависимости от того или иного механизма создания мифа актуализируются различные человеческие потребности. Актуализация, активизация потребностей и обеспечивает мифу устойчивое становление. Ульяновский предлагает десять способов (механизмов) конструирования и внедрения мифов [13].

Первый из них автор называет *волебностью*. Данный механизм обещает живущему в мифе усиление своих ресурсов, сил и возможностей, рисует картину прекрасного будущего. Примерами могут служить как различные обещания политиков, так и идея построения коммунистического общества в СССР за двадцать лет. При этом затрагиваются экзистенциальные потребности.

Другой механизм – *редукция экзистенциального*. Живущему в мифе предлагаются ложные смыслы жизни, навязываются ценности и идеалы, к которым нужно стремиться. Примером подобного мифа являются идеологии. Удовлетворяются потребности в мировоззрении, непротиворечивой картине мира, экзистенциальные потребности.

Еще один способ – *активизация инстинктов* (физиологические потребности). Следует отметить, что отсутствие возможности удовлетворения физиологических потребностей вызывает сильное массовое возмущение. Взывая к инстинктам в мифе, массы можно поднять на протест, в том числе на революционные выступления.

Следующим механизмом Ульяновский называет *качественные искажения информации*. При этом в мифе под формальными признаками

беспристрастного информирования скрываются глубокие структурные искажения ситуации, что позволяет управлять поведением масс. Происходит воздействие через потребность иметь непротиворечивую картину мира, потребность в положительной самооценке.

Для создания и внедрения мифов также используются *симулякры (иллюзии, ложные образы) препятствий, опасности*. Они активизируют потребности в безопасности, в проявлении воли. Живущему в мифе внушается идея о существовании какой-либо опасности (внешнеполитические враги, терроризм и др.). Данная опасность преодолима лишь посредством единения массы. Процесс единения и есть цель данного мифа.

Принятие мифа облегчается *редукцией деятельности к наблюдению* (потребность в отдыхе), которая позволяет социально обездвижить индивида неким периодическим и развивающимся действием. Человек довольствуется той политической картиной, которая разворачивается перед ним – борьбой политических движений, партий, их лидеров и т. п., при этом сам не принимает активного участия в политической жизни, становится посторонним наблюдателем.

Кроме того, принятие мифа и его героев обусловлено применением таких механизмов как *загадочность* (субъект политической жизни наделяется особыми качествами, выделяющими его среди других; активизируется потребность в сверхсмысле), *искажение мировоззрения* (внушение ложных стереотипов, ролей, сценариев поведения; активизируется потребность в непротиворечивой картине мира) и *символичность*. (затрагивает потребность в сверхсмысле; субъекту политической реальности придается значение символа успеха (яркий пример – преувеличение роли Сталина в Великой Отечественной войне).

Последним, десятым, механизмом, предложенным А. В. Ульяновским, является *принудительное означивание*: мифологизированный объект

политической реальности ассоциируют в мышлении живущего в мифе с некоторыми уже хорошо известными и значимыми. Ярче всего этот механизм проявляется в передаче власти правителем своему преемнику. Так, например, авторитет Путина позволил заручиться поддержкой большинства населения Д. А. Медведеву. Подобных примеров в истории достаточно.

Наибольшее значение мифы потребностей приобрели в современном информационном обществе. Развитие информационных технологий обеспечивает быстрое и прочное внедрение мифа в массовое сознание. При этом, удовлетворение потребностей посредством мифа есть лишь мимолетный эффект сознания, запрограммированный создателем мифа.

Следует отметить, что внедрение мифа в массовое сознание происходит в процессе коммуникации. Для того чтобы описать механизм передачи сообщения от одного коммуниканта (которым выступает создающий миф) к другому (потребитель мифа) обратимся к теории коммуникации известного немецкого социолога Никласа Лумана. Согласно его теории, коммуникация состоит из трех компонентов: сообщения, информации, понимания. При этом Луман определяет информацию как «событие, которое меняет состояние системы» [10]. Она представляет собой селекцию (выбор) из нескольких возможностей. Коммуникация осуществляется, когда один ее участник передает другому определенную селекцию, тем самым склоняя его к некоторому выбору. У другого участника есть возможность принять ее или отклонить. С точки зрения политической мифологии передаваемой селекцией является тот набор информационных, поведенческих и эмоциональных установок, который содержится в мифе, и который пытается сообщить создающий миф.

Вероятность принятия селекции повышается, если селекция специальным образом построена и правильно передана (через определенные средства коммуникации). С этой целью средства коммуникации должны регулировать, прежде всего, величину набора возможных селекций, иначе

потребитель мифа либо откажется от принятия той селекции, к которой его склоняют, либо коммуникация будет невозможной (в том случае, если набор возможных селекций будет слишком ограничен).

Генерализация средств коммуникации (доступность обоим коммуникантам) позволяет просчитывать возможные ответы друг друга и таким образом формировать ожидания. Набор ожиданий облегчает передачу селекций, а, следовательно – и коммуникацию. Когда создатель мифа понимает ожидания живущего в мифе, то ему проще закодировать сообщение так, чтобы оно вызвало нужную реакцию.

Тем самым генерализованное средство коммуникации, которое рассматривает Н. Луман, не только выполняет функцию переноса сообщений и селекций, но и устроено так, что если сообщение правильно закодировано, то оно заставляет его принимать эту селекцию, склоняет, мотивирует другого к выбору тех установок, которые ему передают.

Таким образом, мы проанализировали некоторые аспекты, которые необходимо учитывать при создании политического мифа, а также рассмотрели сам процесс конструирования мифа, в том числе, определенные механизмы его конструирования и внедрения в массовое сознание.

В заключение хотелось бы отметить, что политический миф присутствует в современном политическом процессе, приобретая все большее значение. Он становится одной из технологий эффективного управления обществом. Политический миф является составным элементом любой из классических и современных идеологических концепций, является основным методом воздействия на сознание при проведении избирательных кампаний, обеспечивает обоснование существующей политической реальности, формирует определенное отношение к власти со стороны общества.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 120-126.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 120.
3. Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 238.
4. Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 251.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. М., 1997. С. 150
6. Кассирер Э. Опыт о человеке. М., 1998. С. 471.
7. Мамардашвили М. Введение в философию // Мой опыт нетипичен. СПб., 2000. С. 40.
8. Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001.
9. Мифология. Философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
10. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/735/%D0%9C%D0%98%D0%A4%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF (дата обращения: 21.02.2014).
11. [Назарчук А. В.](#) Учение Никласа Лумана о коммуникации. М., 2012. С. 92.
12. Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. М., 2001. С. 277.
13. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005. С. 321.
14. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005. С. 317-340.
15. См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2008.